

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

В.А.ПЕРЕВАЛОВ, А.А.БЕЗГОДОВ

**СТАРООБРЯДЦЫ В ВОЛОГОДСКОМ УЕЗДЕ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XVII В. (НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ИЗ РАННЕЙ
ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА)**

Начальный период истории старообрядчества может считаться относительно хорошо изученным благодаря тому особому вниманию, которое традиционно уделяют ему отечественные исследователи. Только в последнее время этим проблемам посвятили целый ряд своих трудов В.С.Румянцев, Н.С.Демкова, Н.В.Поныр-ко, Е.М.Юхименко, С.В.Сироткин и другие исследователи. Однако эту тему вряд ли стоит считать исчерпанной, о чем свидетельствует и сделанная нами недавно в Российском государственном архиве древних актов находка одного интересного документа, рассказывающего о неизвестном эпизоде из ранней истории вологодского старообрядчества.

Еще около 1670 г. Першка (Перфилий) Осипов, крестьянин д.Рупосовой Комельской волости Вологодского уезда, находившейся во владении князя Василия Юсупова, со своей женой Маринкой, очевидно, разделявшей старообрядческие убеждения мужа, “выбежали” в Великорецкий лес, где поставили себе избу. Однако их протест не ограничился только бегством от хозяина и уходом в лес. Как говорится в документе, Першка нередко из своего лесного убежища выходил в близлежащую д.Сычеву, являвшуюся вотчиной Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, и разговаривая с ее жителями, им “во всякой церковной противности советывал”, то есть вел среди них агитацию против никонианской церкви, став одним из “расколоучителей”, как их стали называть позднее. Местные жители, очевидно, также с сочувствием относились к идеям старообрядчества, и, видимо, со временем он приобрел среди них немалый авторитет.

В 80-е годы XVII в. в связи с усилением борьбы со старообрядчеством по России прокатилась целая волна самосожжений.

Как известно, после диспута о вере со старообрядцами, состоявшегося 5 июля 1682 г. в Грановитой палате Московского Кремля, власти, убедившись в безуспешности своей антистарообрядческой пропаганды, перешли к политике открытых репрессий в отношении приверженцев старого обряда. Были арестованы и уже 11 июля того же года казнены видные идеологи старообрядчества, участвовавшие в диспуте в Кремле. Еще весной 1682 г. был сожжен протопоп Аввакум и другие пустозерские “сидельцы”, а осенью был обезглавлен князь И.А.Хованский — последний высокопоставленный и влиятельный защитник идей старообрядчества. Вследствие этих трагических событий в старообрядческой среде была потеряна последняя надежда на восстановление государством старого обряда в православной церкви. Продолжая свой репрессивный курс, в 1685 г. правительство царевны Софьи Алексеевны с одобрения патриарха Иоакима приняло “12 статей о борьбе с расколом”, направленных на жестокое подавление старообрядческого движения. Как писал С.А.Зеньковский, “ими повелевалось упорных “хулителей” церкви жечь; проповедников самосжигания казнить смертью; их последователей, согласившихся перейти в “старую” веру, было приказано для острастки “бить кнутом” и отсылать в монастыри под строгий начал. Укрыватели наказывались батогами, кнутом, ссылались и штрафовались. Имущество “раскольников”, их укрывателей и поручителей отбиралось в казну”. Неудачи движения старообрядцев в предшествовавшие годы и перечисленные выше беспрецедентные по жестокости меры со стороны правительства привели к широкому распространению в старообрядческих кругах идеи “бегства от антихриста”, вылившейся в массовые самосожжения, уход на малоосвоенные окраины государства и т. д. Першка Осипов, видимо, также был сторонником “огненной смерти” и проповедовал её среди своих последователей. В ноябре 1685 г. крестьянские семьи д.Сычевой, всего 55 человек, собрались в лесу в избе Першки Осипова и устроили гарь. Официальный документ прямо называет Першку виновником этого самосожжения: “и он де, Першка, их жег огнем”.

Господствующая церковь, взявшая курс на радикальную борьбу со старообрядчеством, отреагировала на факт самосожжения крестьян д.Сычевой даже быстрее, чем государственная власть. Иван Александров, стряпчий Гавриила, архиепископа Вологод-

ского и Белозерского, по обвинению в церковном расколе (“что они стоят в церковной противности упорно”) арестовал Першку Осипова, крестьянина той же д.Сычевой Ганку Исаакова и некоего Трошку (на допросе после ареста он отказался сказать, “чей словес и которого города и уезду”), также являвшихся старообрядцами, и 7 ноября 1685 г. доставил их в Вологодскую приказную избу. Расследование по этому поводу стал проводить сам Вологодский воевода стольник Борис Андреевич Змеев.

Ганка Исааков и Трошка на допросах, во время которых к ним применялись пытки, сказали, что “соборной де и апостольской церкви повинуютца”, но “новоисправных книг не приемлют, и крестнаго знамения тремя первыми персты на себя полагать, и отца духовнаго принять исповедатца, и святых тайн причаститись не хотят”, то есть, по мнению следствия, “святей церкви во всем стояли упорно”.

Першка Осипов во время допроса также заявил, что “святей де церкви покорения он не приносит, и в церковь Божию ходить, и крестнаго знамения на себя тремя первыми персты полагать, и отца духовнаго принять исповедатца, и святых тайн причаститься не хочет”.

24 ноября 1685 г. в отписке в Москву Вологодский воевода стольник Б.А.Змеев сообщил об итогах проведенного им расследования и запросил решения, что делать с “вышеписанными раскольщиками”, которых до “государева указу” посадили в тюрьму.

Ответная грамота из Москвы от царей Ивана и Петра Алексеевичей пришла уже 3 декабря того же года. Воеводе Б.А.Змееву было приказано поставить сруб и “раскольщиков” Ганку Исаакова и Трошку привести на казнь. Перед казнью указывалось их два раза допросить, “святей церкви они повинуютца ли, и отца духовнаго приемлют ли исповедатца, и святых тайн причаститьца хотят ли”. В случае, если они будут продолжать упорствовать, “а покорения святей церкви не принесут”, воевода Б.А.Змеев “за такую ересь по трикратному у казни вопросу” должен был их “сжечь в струбе и пепел развеять”. Если же они покорятся, их следовало пока оставить в тюрьме до особого указа. Першку Осипова, даже если он “и покорение святей церкви принесет, и отца духовнаго принять исповедатца, святых тайн причаститца желати будет истинно”, было приказано “исповедав и причастя, без допросу”

сжечь в отдельном срубе, “за ево воровство и за ересь, что он прелестию своею простолюдинов, и их жон, и детей зжог 55 человек”. Особо предписывалось после его казни “пепел развеять, чтоб отнюдь знаку и кости не было”.

Об исполнении этих указаний воевода Б.А.Змеев должен был сообщить в Москву в Стрелецкий приказ думному дьяку Федору Леонтьевичу Шакловитому. Надеемся, что со временем будут найдены новые документы, которые позволят наиболее полно восстановить ход событий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1685 г., декабря 4. — Список с Грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей Вологодскому воеводе стольнику Б.А.Змееву о сожжении в срубе раскольника П.Осипова, устроившего гарь в д.Сычевой Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, и о казни крестьянина той же деревни Г.Исаакова и некоего Трошки, если они не откажутся от старообрядческих убеждений.

Л.1 От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев на Вологду, столнику нашему и воеводе Борису Андреевичу Змеиву с товарищи.

В нынешнем во 194-м (1685) году ноября в 24 день писали вы к нам, великим государем, а в отписке вашей написано: ноября де в 7 де[нь] привез на Вологду в приказную избу преосвященного Гавриила, архиепископа Вологодцкого и Белоозерского, стряпчей Иван Александров Вологодцког[о] уезду вотчины Прилуцкого монастыря деревни Сычова крестьянина Ганку Исакова, да Трошку, а чей словес и которого города и уезду, того не сказался, да Вологодцкого ж уезду Комел[ь]ския волости вотчины княз Василя Исупова деревни Рупосова крестьянина Першку Осипова, а сказал, что они стоят в церковной противности упорно.

А Ганка де и Трошка в роспросе и с пытки святей церкви во всем стояли упорно, а сказали: соборной де и апостольской церкви повинуютца, а новоисправных книг не приемлют, и крестнаг[о] знамения тремя первыми персты на себя пологат[ь], и отца духовнаго принять и исповетца, и святых тайн причаститись не хотят.

А Першка де в рос[с]просе ж церковной противности во всем¹⁻¹ стоял упорно ж, а сказал: святей де церкви покорения он не при-носит, и в церковь Божию ходить, и крестнаго знамения на себя тремя первыми персты полагат[ь], и отца духовнаго[о] принят[ь] и исповетца, и святых тайн причастится не хочет. Да тот же Першка з женою своею Маринкою выбежали на Великорецкой лес, и в том лесу поставя себе // (л.1об.) избу, жил лет с пятнатцат[ь], и ис тог[о] лесу выходя, в деревню Сычеву приходил же и во всякой церковной противности²⁻² советывал. И в нынешнем де во 194-м году (1685) в ноябре месяце, а в котором числе, того не упомним, той деревни крестьяне Алешка и Артюшка с товарищи пятьдесят пять человек, пришел к тому Першке ис той деревни на лес, в иво, Першкину, избу, и он де, Першка, их зжег огнем³⁻³. А ныне де он, Першка, церкви Божии покорения не приносит.

И те де вышеписанные расколщики до нашег[о], великих государей, указу посажены в тюрьму.

И как к вам ся наша, великих государей, грамота придет, и вы б велели поставит[ь] струб, и тех расколщиков Ганку и Трошку велели привести к казни, и у казни допросит[ь] двжды, святей церкви они повинуютца ли, и отца духовного приемлют ли, и исповетца, и святых тайн причаститца хотят ли. А буде, они учнут в том стоят[ь] упорно ж, а покорения святей церкви не принесут, и их за такую ерес[ь] по трикратному у казни вопросу, буде не покорятца, зжеч[ь] в струбе и пепел развеят[ь]. А Першку Осипова за ево воровство и за ерес[ь], что он прелестию своею простолюдинов и их жон и детей зжог пятьдесят пять человек, хотя он и покорение святей церкви принесет, и отца духовнаго принят[ь] и исповетца, святых тайн причаститца желати будет истинно, и ево, исповедав и причастя, зжеч[ь] в струбе, и без допросу, и пепел развеят[ь], чтоб отнюд[ь] знаку и кости не было. А которого числа тем расколщиком нашей, великих государей, указ учинен будет, о том к нам, великим государем, писали, а отписку велели подат[ь] в Стрелецком приказе думному нашему дьяку Федору Леонтиевичю Шакловитому с товарищи.

А буде Ганка и Трошка у казне принесут и покорения, и вы б их велели до нашего, великих государей, указу // (л.2об.) посадит[ь] в тюрьму, да о том к нам, великим государем, писали же в Стрелецкой же приказ, а Першке учинили по нашему, великих

государей, указу, как о том писано в сей нашей, великих государей, грамоте выше сего. Писан на Москве лета 7194-г[о] (1685) году декабря в 3 день.

Позади подлинной грамоты припис[ь] диака Ивана Негоморского.

Справа под[ь]ячево Петра Иса[а]кова.

РГАДА. Ф.1455. Оп.4. Д.435. Л.1-2об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1-1. Дописано над строкой тем же почерком.
- 2-2. Исправлено тем же почерком из — “проести”.
- 3-3. В рукописи зачеркнуто.
- 4-4. Написано после зачеркнутого — “и пепел”.
- 5-5. В рукописи написано — “котого”.
- 6-6. В рукописи написано — “присут”.

Записи и пометы (на л.1об.):

1. “Список великих государей з грамоты. От царей и великих князей Иоанна ” (XVII в.).
2. “Петров” (карандашом, конец XIX — начало XX вв.).
3. штамп: “Библиотека Тверского Музея” (конец XIX — начало XX вв.).
4. “1686” (конец XIX — начало XX вв.).
5. “3968” (дважды, конец XIX — начало XX вв.).
6. полустертая запись цветным карандашом (конец XIX — начало XX вв.).